ОЛЕГ ЛЯГАЧЕВ

ТВОЁ БЛАЖЕНСТВО ИЛЛЮЗОРНО

Михаилу Шемякину
посвящается

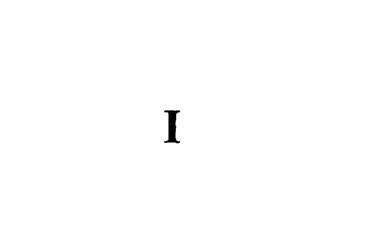
ОЛЕГ ЛЯГАЧЕВ

Твоё блаженство иллюзорно

КНИГА СТИХОВ И ТЕКСТ

ICON
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ—ПАРИЖ
1995

ІРЛЗ

I

Эта пустота меня окружает
Эта глубокая пустота. Чёрная
Как обычно; эта рожа
Бездны в наглой улыбке

Какого-нибудь там Печорина.
И я трепещу как рыбка
Пытаюсь найти опору
В этой пропасти без конца.

Вдруг проявляется мгновенно
и зыбко
Пейзаж, строения и контур лица
Вибраций воздуха скрипка
Пронзает насквозь меня.

Это тело моё — околица
Проснулось. И так внятно
Всё прозвучало до созвездья
Стрельца
И всё представилось как начало

Начал, где плавают белые пятна
И качается кресло — качалка:
Мир полотна.
Палец упирается твёрдо

В изображение; оно же — рычаг
Поднимающий мозга фьорд.
Рассыпается он рыча
На мириады осколков.

И я теряюсь как вор
Которого застал холод
В гробнице Тутанхамона

18.04.94

Эта русскость Руссо — Аргунова
Эта крепость Антропова кружев
Эти лица — фарфор и металл
Заместили иконы храм

И по воле царёва куража
Пали бороды как Батые
И открылось пространство плоти
Непривычное на болоте.

В этом зеркале как бы ты
Гусь ощипанный — вот портрет.
И привыкла святая Русь
Созерцать свой стеклярус.

Так было при Бонапарте
Когда Москва сгорела
И отрастил усы Гоголь
Видя в этом уже соль.

Таким его представляет
акварель
Венецианова. С гладким
подбородком
Как колено. Жест руки
Патриарха у Иордана реки.

Гоголя унесла лихорадка.
Лиха беда начало —
И угрюмые типы Крамского
Как из зарослей смотрят раскола.

Им только сапоги тачать.
Борода на ветру
Папироски тлеет окурок.

31.05.94

Бог поэзии — Баратынский
Слово твоё аукнулось
И Летучий голландец — твой
Пироскаф
Рассекает мои творога.

Там царствует плен и усталость
И какая-то энергия космоса
Мне непонятная. Твой корабль —
Кристалл, лунный свет, Грааль

Я вижу его перекос
В утреннем тумане с пристани;
Широколобое лицо моряка
Платочек на шее открытой
морям.

Я в тебя вглядываюсь пристально
И вот ты вспоминаешь луч
В зерцале зыбком вод
Сентябрь русский и восход.

И всё так благополучно
Представилось тебе забывшему
о теле
И с наслаждением ты слушал ураган
И ставил Байрону рога

Ложась по курсу на метель.
Ты видел всё в своём пространстве...
Сомкнулся творог над тобой
Опять я вялый и больной

И только слов твоих убранство
Подобно бисеру, узору
Так завораживает мозг.

03.06.94

Спиральные конструкции Лермонтова
(Татлин поэзии, слова молотобоец)
Держат на ветру пропеллер
Ангела себя утратившего

В сущности камня (но с сердцем
бойца
И с душою Сократа).
И не напрасно сжимаются кольцами
Его шелкопряды. Он — змей

Пусты его потроха.
Бесцеремонный как Степан Разин
Выхватывает крохи с господского
стола
И растворяется в дыре космоса.

Там от него разит,
Ни персика тебе, ни абрикоса
Гложет кость свою паразит
И хобота развеваются на ветру.

Зашиби-ка его; на-кось, выкуси!
Он сожрёт ватрушку
И пойдёт вкривь и вкось.
По белу чреслу оплетётся

По княжнину — то бережку
Да в бухточку заплывёт
И хоботок наружу.
А втапоры княжна понесла

Понос понесла да рвот
И дитя родила княжити,
А и будет хораброй князь.

12.06.94

Тонкое подвывание ветра
В щели окна и шум
Ветхих стропил, качка строенья
Улучшают моё настроенье

Однако не везёт камышу
И голуби прячутся где-то
В каморке своей собака
Пружиной свернулась как-то

Берёза уже раздета
Качаются длинные руки
И листьев сухих армада
Несётся куда не надо.

Вот тени огромный круг
Скакнул по стене сжимаясь
Клоками дробится дым
И пробует вкус беды

И падает в ночь пожар.
И только совсем в глубине
Где жабры города явны
Бездна и свет на равных.

Там бабочек свой балет
И там обалдевают крысы
При виде мириадов существ
Одетых как будто в шерсть.

Они привыкают. Говорить им: брысь
Всё равно что бросать на ветер
Эту горсть леденцов «дюшес»

17.10.94

Зачем в этом панцыре tartaruca*
Жёлтый пергамент твоего лица
Маска смерти ататюрка
В глубине иллюзорной зеркала

Плодящем двойников расу.
И что мне в этом зазеркалье
Где треплется алисы парус —
Заморские гости тут как тут

Они выплывают с окраин
Рассекают черту, гребут.
Однако я держусь: в порядке
Мораль и карма улыбается мне.

Это Петрополь, Трубецкой редут
Смывает краски державной бани;
Хорошо лежать во рву
С примятым стебельком под темечком

Вдыхая запахи ржавые:
Старинный панцырь, прямая речь
Гаврилы Романовича Державина.
И рушится наваждение

Краски исчезают, разносит картечь
И в этом другом рождении
Всему предстоит течь и течь.
Пространства и формы тобою
охвачены

Ты реешь высоко гордец
Едва различаешь патину
Колосса родосского наконец.

26.10.94

* tartaruca (латынь) — черепаха

Сдавил тебя клешнями рак
И умер ты, невольник правил
Собою праведник и бонза
Очки хранили твой запор.

Конечно был ты в чём-то прав
Тебя не трону я укором
Но мне на это наплевать
И мне тебя не целовать

За жесты правильные; хор
Давно прославил твою душу.
Что мне до этого, месьё
То ваша жизнь — и это всё!

Но вдруг на голову мне душ
Холодный: он другом был
Он был мне другом день иль два
Оттенки помню я едва.

Почти застенчивый как рудокоп
Меня он спрашивал о чём-то
И взор кандида свой вперял
То на сестру, то на меня

И пил молдавское винцо
С улыбкой доброй озирался
И адрес свой писал покорно
В тетрадь с рисунком рук и горна.

Его открытку как узор
Хранил я бережно, а письмецо
Заляпал чаем и песком.

29.10.94

Пули вошли в его сердце
И зубы открылись гнилые
В улыбке внезапной и странной
Как будто вошла в него прана

И новая жизнь затаилась.
Но та была слишком невнятна
И слишком ему не под силу
И он предпочёл лимузин

И ехал блаженненько в ять
И пели блаженно сирены
Он был уже им недоступен
И в свой окопался уступ.

И боль растворилась. Мигрень
Исчезла. Ни голод ни холод.
И атомы были покойны
Он вовсе не был покойник

Он покоился как Лаокоон
И разве что временами сверкали
Идеи. И тело начинало гудеть
Ровно подъёмная клеть

И сам он фыркал
И приподнимался как мог
Глаза упирались в пространство
Но видел он только растр

И птицы упругий комок
Падал на грудь камнем
Он не мог шевельнуть рукой...

06.11.94

Трещит по швам живая кукла
То лопнет печень, то ребро
А то кипит как будто мозг
И губит мысли полутон

(И ленту жизни — серебро)
Но я то знаю: пусть взорвётся
И станет пылью эта глина
Она не стоит витамина

И пусть когтями пузо рвёт
В смятеньи диком и надсадном
Громада плоти без ветрила
Её Замза не озарил

Быть может форм твоих фасад
Его починит и затеплит
И глаз твоих восточных стремя
Приструнит в нём сиротство зверя

И не рассыпется как пепел
Его душа сгорев дотла
Останется быть может что-то
И возродится мозжечок

Быть может снова раскатав
Сырую глину Пигмалион
Увидит тканей быстрый рост
И проблеск мысли потечёт

И счастлив как Жермен Пилон*
Посадит он на пуп мокрицу
Чтобы живому подивиться

23.11.94

*Жермен Пилон — французский скульптор XVI в. Автор знаменитых надгробий

Я за каждый клочок России
Как за каждую пору тела
Отвечаю. И я виноват
За двадцать восемь на два с
половиной ряд.

Не напрасно и я потел
Вспоминая глаза людей
Миллионы расстрелянных глаз
Как песчинок доверху таз.

Голубой тот зрачок — злодей
И славянская улыбка юрода
Не одно перебили ребро
Ни один позвонок угробили;

Пусть теперь он красив как лорд
И лелеет воскресшие души
Мне от этого не легче нисколько:
Я отнюдь не блаженный икон

И замашки страдальца — ретушь
Не обманут мои глаза;
Распекать он меня привык
И подвешен его язык

И когда в штыковой азарт
Его ярость внезапная бросила
Удивился он что закон
Исаака Ньютона имел резон.

И сломилась сердечного трость
И пули целовали дружно
Эту плоть как свою жемчужину...

08.12.94

Промчалась лента жизни незаметно
И стёрся след её как целлулоид
Хрупкий стирается: все кадры
Пришли в негодность и с криком
карр!

Вдруг разлетелись при виде Хлои.
Она совсем не изменилась
И мой видок её должно быть напугал:
Так я заметил в губах её провал

И как бы дышащий зрачок. Скажи на
милость,
Чего-то ей пугаться! Я не вампир
Я полон сил ещё и полон жизни
Я жить хочу, мне любопытна жизнь

И даже под пыткой я б вспоминал,
каков тапир
И как зависает в небе дельтаплан
И квакают лягушки на озерце
И в Африке каковы мухи те:це-це

Я б даже, пожалуй, нарисовал узор-
ный план
Грота Монте-Кристо, например.
Фантазии меня воспаляют, дорогая
Хлоя
И не жаль мне стёртый целлулоид

Тех прошлых жизней. Вот пример
Непутешествий: время постоянно
Откуда смазанность или негодность
Плёнки, что мы имеем заодно

С портретом Дориана Грея. Конечно
Янус
Немножко присутствует во всём
И поезд жизни может быть весом.

30.12.94

Нет мух похожих: это заблужденье
Гордое человека и от незнанья
Что завтра станет он возможно мухой
Тогда прощай и мясо и уха

Забыть придётся мукузани*
И прочий бред и наслажденья
Но научиться как парить и делать
Петли в комнатушке словно Радек

Под дулом пистолета. Набраться бденья
И зигзагом хитрым на сахар сесть
И видеть всей сетчаткой глаза
Как тыща рук приподнимается зараз

Чтобы убить и продолжать сиесту
В удобном кресле или среди простынь
Где липнет тело к телу не взлетая
Тревожной массой холодца.

На самом деле не забыть что просто
Твой мозг миниатюрный провести
И ленту сладкую приманкой
На потолок повесить: это смак

Двуногих. Ты промелькни и весть ту
Разнеси товарищам прозрачнокрылым.
Ночь близится в кромешной темноте
Вы инквизиторов накажете вполне

Твой хоботок целует бледность рыл
И лап воздушные початки
Кладут присоски — отпечатки.

11.01.95

* мукузани — молдавское вино

Что ты осклабился своими руинами
Ленинград; хоть имя твоё другое
Тебя разъела тлетворная язва
И всё в тебе теперь безобразно.

Пусть толпы в адидасках* задорно
прут
Мимо твоих решёток прекрасных
И пусть в упаковках мерцает
сервилат
Всё это только — русский салат

Показуха и самообман напрасный;
Ты безмерно устал Ленинград
И безмерная сквозит слезища
В твоих окнах пустых и нищих.

Пусть скульптуры твои изящные
как танагры
Хранят память стальных мертвецов
Так же мрачны провалы улиц
Затаившихся как аулы

И деревьев искалеченных петли
торцов.
Вот на Невском собачий приют
Расположился. И протокольные рожи
Блюдут ресторанчик расхожий

Узнаю этот взгляд этот жест —
прокруст.
Когда нужно он перевоплотится
В Малюту Скуратова или в Ежова
И отбросит респект ужо...

* спортивные костюмы фирмы ADIDAS

А пока протечёт тех времён
водица
Ленинград напяливает маску
смешно
В ней покоится голышом.

17.01.95

Валерию Петроченкову

Твой взгляд особенный. Зрачок
Глубокий и радужка мерцающая
Знаков каких-то странных и колючих
Как Врубеля штрихи и — ключик

Диковинного ларчика: твоё зерцало
Где отпечатывается зыбь души
Твоя растерянность и мастеровитость
В преддверии пространства. Может
Крита?

Где вновь Тезеем ты запиши
Разгадку лабиринта, если можешь
И затаись. Мне всё равно, хотя
наречь
Придётся как-то его, может: горечь

Или каналом питерских вельмож.
Пространство — оно однообразно
хотя
Многолико и эфиром глаз оно
Сопровождает нас негласно.

Когда-то точкою мы в нём как
братья
На холмах Карелии твердили горячо
Что всё распахнуто и полёт беспечный
Нам в Пантеон бессмертных обеспечен

Внутри ты затаишься как сверчок
И застрекочишь вечно. Но прежде
Мы забыли что миф и лабиринт
Две ипостаси невозможного з а м р и

А не: в о с к р е с н и. Сей
орешек
Не раскусить не мудрствуя лукаво:
Привычка к опыту лекала...

01.02.95

Рыцарь абстракции. Дивный художник
Рассыпаны щёдро твои значки
Подобно галактикам пламенеющим
И хаос выстраивается в образ вещий

В силуэтах кратких руки.
Ускользают в пространстве прозрачные
профили
Твои краски чисты и сияют симфонией
В свете дня на туманном фоне.

Тебя не тронет ирония иных простофиль
Знаю, ты держишься прямой и гордый
Взгляд пронзительный проницает
текучку
И режет молнией нагроможденья круч

Ты выстраиваешь уверенно твой льдис-
тый город
Кристаллами неба, лавой земли
Просты и прочны эти узоры
Подобные бойницам или взорам

Ребёнка отважного Маугли.
Так внезапно проясняется смысл
Абстракции, где ты художник —
рупор
Невольный глубоких идей. В упор

Созерцающий откровение Лотоса
Твои мысли таятся и растворяют слово
В тишине изначальной космоса
Там пульсирует прана и мира ось

В своём постоянстве слабом
И волны вытекают из глаз
Непреклонные в самый раз.

февр./апр. 95 г.

Проснулся головастый змей
Дохнул уверенно напалмом
Ему не страшен маршал Ней

Его глаза — сетчатка пальмы
И если голова упала
Растёт другая из початка.

Он их рубил и как попало
Под камень складывать старался
И каждый раз казалось мало

Его усилий как бы старца:
Горыныч вроде умирал
Но благодатно возрождался

И становился как металл
И ярость новая пылала
Её белками он метал.

И вдруг вгонял по грудь до кала
Одним движением простым
И в этой битве без накала

Он понял: жить уже нет сил.
Тогда призвав всю артиллерию
Он метко клубень разносил

И змей издох со всею серией
Голов наросших отовсюду
И изрубила кавалерия

Обрывки вялые как студень.
Теперь Пигмалионом став
Замыслил он прекрасный пудинг

Его на цыпочки привстав
Лепил он гордо и умело
И гармоничен был состав

Муки и творога и тела.
Как будто облик Франкенштейна
На миг ожил в сияньи белом

Едва держала твердь кронштейна
Сию окрепшую фигуру
В ней была сила Франкенштейна

Себя почуевшего буром.
Одним прыжком смахнув хитон
Он растворился в верхотуре

И хохотал оттуда он
И шиш показывал бесстыдно
Скорлупочке где плыл Харон.

И сверху различив за тыном
Обрывки вялые червей
Причалил он уже остынув

Весь любопытство. Чародей
Едва он прикоснулся к массе
Та всколыхнулась как ручей

И стали формы проясняться
И воплотился мощный змей
В своём величии и мясе.

Проснулся головастый змей
Дохнул уверенно напалмом
Ему не страшен маршал Ней

Его глаза — сетчатка пальмы
И если голова упала
Растёт другая из початка.

И Франкенштейну было мало
Голов отрубленных под корень
В его глазах доблесть блистала

Он был как витязь, ангел горний
И запах пота и пожарищ
Клубился в воздухе нагорном.

Он победил на том ристалище
И змей издох пустив зловоние
Пахнув исчадьем неспроста...

И стёрта память этих войн
Лишь камни головы хранят
В пустыне чахлой и скупой

Да только маленький отряд
Виётся чёрных воронят.

март 1994 г.

РИМСКИЕ СТИХИ

Вот опять бешеная собака
Ворвалась в мою берлогу и вопит
Нахально размахивая пальцами
Скрюченными. Лицо — маска смерти
Волосы прыгают жгутами и кожа
В пупырышках. Так она отрабатывает
Свою карму меня пожирая
Но я то не лучшее мясо в конце
Концов...

02.06.95

Барахло тебя не спасёт от смерти
Пусть на улице хлопают в ладоши
И отплясывают свадебку. Твои скулы
Заострились и складки на животе
Висят. Вся ты подсохла и околеваешь
От времени, от этого пришельца
Который в тебе сидит надёжно.

03.06.95

Вот она выпорхнула из подворотни
В коротенькой юбке подчеркнувшей
Круглые бёдра, ляжки упитанные
С симпатичными ямочками в подколенье
Вся растрёпанная светловолосая
Как ангел. Она крадёт моё спокойствие
И незаинтересованность. Таков выстрел.

05.06.95

Что ты вдруг взорвался и рассыпался
Мелким горошком. Стены пестрят
Разноцветными брызгами и тушки
Расползаются повсюду. Твой крик
Остался единственным свидетельством.
Теперь я прилаживаю лоскутья
Войлока на зияющие дыры. Там
Была твоя голова, вот там — ноги
А выше некое подобие бёдер.
Всё это теперь несуществующее.

06.06.95

Пусть Минотавр. Твой пупок утонул
Глубоко уже. Твои губы расплылись
И внутри как будто в мышеловке;
Что ты мне не предложишь сестру
Вместо себя. Оно проще — ясное дело.

07.06.95

Ты меня не убила. Осечка.
Теперь солдаты тебя разрывают
Всё что останется — собакам. Так
Мы будем квиты. Ты сотрёшься
Навсегда и я не вспомню (баста!)
Ни ширины твоих чресл, ни твоего
Запаха. Да исполнится карма.

07.06.95

Я устрою пир на твоих ягодицах
Много вина, артишоки в расщелинах
И на буграх — яблоки. На скатах —
Катальные горки. Подурачимся
Как олухи... ты мне расскажешь
Что лучше, быть скатертью или бездной.

07.06.95

Голыш, твоё время приспело. Трясёшься
Как призрак и пускаешь ветра на людях
А всё туда же: витийствуешь внятно и
Лукаво. Думаешь мир перестал су-
Ществовать или же ты сам — картинка
Уместись тогда, голыш, в свою плоскость.

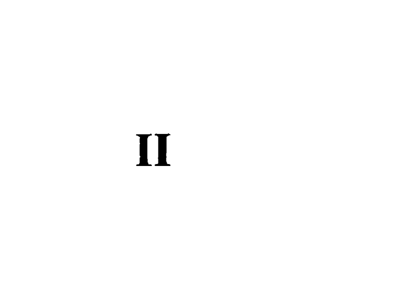
15.06.95

Ты мне свою Лютецию не хвали
Там пахнет сладко мочой, я знаю
И женщины распутны. Крабы
И лангусты уписывать редко
Придётся и вина крепки и вяжут
Язык. Чего доброго превратишься
В галла...

16.06.95

Ты напрасно пытаешься меня поколебать
Моя голова ясна и работает безо-
Шибочно. Сотрясай воздух, птицы не упадут
И даже мухи не услышат. Ты растратишься
На пустое. Если ищешь рабов, поезжай
На рынок и там купи хорошее мясо
С мускулами и рельефом необходимым.

27.06.95

II

ОСЕНЬ

1. Листья берёзы отрываются
И летят и падают с тихим
Шорохом на асфальт, на плечи
и лица
Прохожих. Им не спится
К тому же ветер утух и утих
Каждый держит на поводке пса
И влиты калории в телеса

2. Слышен рёв запоздалый льва
Это последний сезон цирка.
Завтра клоун печально улыбнётся
Прилаживая к месту свой нос
И появится новый прочерк
В дневнике писателя — натуралиста
За неимением новостей с креста.

3. Лимонное дерево усыпано шариками
И гладок водоём зеркальный
И в тёмной его глубине
Рогалик луны лыбется
Ртутные капельки звёзд сверкают
Ломается кренится камыш
Ожила в подвале мышь

4. Завершается переборка крыш
В окнах белеют новые ставни.
И подобные минаретам
Высятся башни вблизи рек.
Содрогнулся земной состав
Мощный корпус чернуху режет
И возносится тень харит

5. Уже соком налита грация
И заметно крепчает плод
Муж прислушивается к движению
в глубине
И зачарованный смотрит в лицо
жене
На кухне — пунктик причала
Дымится чайник и лимонные кружки
Плавают в фарфоровой кружке.

6. И качается неспроста пустота
Этот вирус без формы и запаха
Наливается он лучом
Совершает пострел скачок
И дырявится мозг и пах
Но ты помнишь: всё только сон
Не теряйся, держи фасад.

7. Твой взгляд участливый твоя
осанка
Мне возвращают жизни дар
Пока ты говоришь — ничто не смыто
И время плещётся в моём корыте
Пока та стирка — твой подарок
Рассматривать сиянье мыльных рек
Занятие простое и не грех

8. Им любоваться. Только ночь
В свою дыру всё погружая
Меня бросает к набережной той
Где мне навстречу движутся толпой
Фигуры странные как братья грум —
гржимайло.
Их рты открыты, челюсти отвисли
Глаза распахнуты фиксируются мысли

9. Совсем не те. А если понял —
нишкни
И не пытайся с ними говорить
Они проходят сквозь тебя
спокойно
И лица их исполнены покоя
И та волна похожая на крик
Вот-вот прихлопнет. Город
пуст
Открыт стихии точно опус.

10. И потом приходит рассвет
Белеет небо, растворяются
звёзды
Кошки затихают. Убийцы
Моют руки и засыпают бойцы
Трогается паровоз
И стучат продрогшие челюсти
Клошара выводящего трели;

11. Впрочем далеко до метели
И в утреннем тумане голубь
ворчит
Лает собака хрипло
Привычный расползается грипп
Клубами в желудках корчится
И в тесном пространстве микро-
сфер
Бушует музыка небесных сфер.

12. Всё оканчивается на ерь:
Осень, быть или не быть, соль...
Где-то лисонька попалась в капкан
Там где папоротник или экран
И где устроил свою буссоль
Хищник двуногий. Его голова
Роится мыслями трын-трава;

13. Там усохла теперь ежевика
И дюны отодвинулись дальше
к лесу.
Когда разливается большая вода
Болтаются на горизонте рыбачьи
суда
И красуется голенький удалец
И чайки прицельный полёт
Кромсает волны намёт

14. Иногда пролетит самолёт
И песчинок зеркальный строй
Передвинется в другой лад
Образуя обвал рулад;
Где-то радуга за горой
На изгибе прибрежной черты
Где размыты её черты

15. Так размыта память моя
И пространства совсем иные
Мне представились в книге песка:
Коротенькая записка
Из времени утро — иней
Развернулась в своей достоверности
Точно роман скверный.

16. Я мало читал Жюль Верна
И стало быть — реалист
Что ты хочешь с твоей морокой
Ну с брусничкой той, с твоим творогом
Не напрасно ждёт этот лист
Не осенний он и не жёлтый
А скорее он — чистый шёлк

17. Его коснётся пускай круглая
кисть
И оставит след го — хуа
(Может быть это тантра
Или попросту — пустостан
С этим привкусом ореха: халва)
Пусть времени криптограмма
Свой чертит рельеф Пергам

18. В мятой раме назло врагам
И легко торжествует пародия
Как Сильви Гиллем*
Прекрасный Голем
Имитирует стиль юрода.
В каждой осени есть всегда
Отражение — ерунда;

19. И пусть она — чахоточная дева
(Сей сантимент нелепый архаичен
Для Пушкина, охотника прекрасных
персей
Отваги полного — не лести.
Но так и быть: я для приличия
С ним соглашусь) ...пусть эта дева
Рядится падалью без гнева

20. И всё уйдёт в крысиный зев
В ту мерзость снега и тумана
Где всем каюк. И не помогут лыжи
Связать с пространством эту жизнь.
Таков итог псевдоромана
Об урожае. Впрочем Баратынский
Его предвидел как пустырь

* Сильвия Гиллем — французская балерина

21. В судьбе Уллиса (моря пастырь)
Дробится вечность на причалы
И в каждом — смерть. Как ренессанс
Отправка новая в «BON SENS»*
Пока Неаполь или чакра
Не ставят точку всех начал
И растворяется твой сахар

22. Увы, увы — вольнее раствориться
И пылью стать, рассеяться повсюду
Как дождь осенний. Ветром стать
Иль чем-то, кем-то ему под стать
Объять форму любого сосуда
Стать песней, буквой или звуком
Мелькнуть в пространстве диким
неуком

23. Где храм примерился наук
Тебя скальпировать и оскопить
надёжно
Чтоб смысл постичь вполне ник-
чёмный
Твоих движений чёт и нёчет
И страсть позорную для рожи
И для расщелин или гор
Всегда пустяшный кругозор...

декабрь 1994 г.

* bon sens *(фр.)* — здравый смысл

Твоё блаженство иллюзорно
И твой покой — пустая форма
Она зависит от погоды
И даже часто от всего

Твоя кровать — мишень в пространстве
В тебя прицелится боец
И разорвут тебя на части
Снаряд и пуля и шельмец

Напрасно шарф свой повязаешь
Хранишь усмешку на губах
Она скрывает плохо страх
Когда в болоте увязаешь...

И только твёрдость каждой буквы
Твоя надежда и порука

25.04.94

Из смерти встав, свою постель
Не заправляй заботливо на ужин
А с ней простись. Подобно хламу
Не затеряйся в комнате нахал

И если можешь, затяни потуже
Животик жадный до утех и рыл
Вздохни свободно беззаботно
Узри сей мир в его компоте

Мильон терзаний ты им подари

февр./апр. 95 г.

И ты шагаешь в пустоту
Туманную как рыбий холодец
Внезапно прерывая разговор
И не смекнув, что дорог

Мне... теперь венец
Моим мечтам и нашей дружбе.
В твоём пространстве параллельном
Пустынька лишь и там пропеллер

Анахронизм... и я снаружи.

февр./апр. 95 г.

Пока забудешь то, что скрыто
Твой ум покоится как кокон
Вдали от шума городского
Вдали от ветра и морского

Прибоя. Это время Рока*
Спокойствия в душе и лени.
Но лишь ударит колокол судьбы
Как ум теряет мох и дыбу

И вдруг становится алмазом
Теряя видимость желе.

10.05.95

Саше Л.

Всё только видимость только
кажимость
Но имя твоё как слиток как
спящий
В глубинах алмаз как лотос.
Рассыпается в пыль колосс

История прыгает как детский
мячик
И радость растекается в смерть
Смерть в неопределённость столь
чтимую
Пиитами. В столь эфемерное чтиво.

Единственно имя твоё — твердь.

23.05.95

* Рока — западный мыс Европы

Реальность в лучшем случае
превращается в книгу
в ленту воображаемую
Везувия — мозга
с пеплом дырявым
и неподвижным
сквозь который проглядывают
святочные маски
и Голем
оживший на миг

13.05.95

Весеннее солнце
Холод собачий
Первенцы листья
А как же иначе

В стекле прочертился
Твой профиль красотки
Огромные серьги
И глаз обормотки

И пляшут твои
Золотистые бёдра
Кустарник клонится
До самого одра

Там смерть, запустенье
И блеск паутины
Там всплеск мирозданья
И разом — латынь

16.03.95

Теперь за пряниками
в соседнее село Андреевское
замыслили сходить
Туда идти часок, быть может два
по длинной ленте
чуть приподнятой дороги
(Она в пыли — одно название
дороги
Но пешедралом дуть по ней
не так уж плохо)

Идём мимо совхозных огородов
за изгородью стволов тончайших
где так упорно
и весело
трещит кузнечик на солнцепёке

и мимо тех низин
где в зарослях шмыгают коростели
по вечерам, как дети
Со мною Валентин
он белобрысый
широколицый
с крупными зубами грызуна
и радужкой прозрачной
на всё готовый воспламениться
всё начать
(Так мы решили соорудить
велосипед
И два тележных колеса
найти
было не просто
Педали, раму и другие части
он изготовил сам
как заправский мастер
И был велосипед составлен

и торжественно
мы прокатили по деревне
метров сто
до самой церкви...
Бывшей
(то бишь магазина
где в полумраке сахар
с керосином
иногда соседствовали)
Он был влюблён
в дочь председателя
и теперь ему казалось
что непременно встретиться
должны
мы были с ней
а там кто знает...
Он говорил
оскалясь щербатым ртом
какие у неё васильковые глаза
про лоб её открытый
и высокий
и родинку на подбородке
Ну Что ей стоит .
дать
поцеловать себя
на этой вот поляне с земляникой
Теперь — теплынь
и ягодки чуть видные без лупы
как будто капли
брызнув затерялись
повсюду
между травинок и под камнем
Мы съели несколько
чтоб утолить свой голод
и продолжали путь
к пряникам медовым
или мятным
(как повезёт)
Небо сияло весело

и птицы пели
Лесок кончался
Поля колхозные с турнепсом
зачинались
до горизонта
с картофельной ботвой в прирез
и кое-где на привязи
бренчали козы
жуя старательно
одуванчики и травы
похожие на оборотней лукавых
(Им не напрасно
столько россказней здесь посвящают
и козье молоко парное
по утрам
топлёное с крепчайшим чаем
привычно пить)
Но вот околица
и пацаны нас заприметили тотчас
Рассматривают
в раздумьи тяжком и недобром:
врезать или нет
(лопатой — чересчур
ну кулачищем — это можно)
нас провожают взглядом
до самой булочной
Она закрыта
и магазин сельпо закрыт
по случаю торжеств каких-то
или просто пуст как вакуум
Сияющие мухи
летают за стеклом
и пахнет кисловато хлебом
и слабо — мятой
как воспоминанием невзрачном
и напрасном

13.07.94

Запахи мясного соуса
рыбы — тухлянки
Выплывают из окон
в пригородный пейзаж
с деревьями
в пространство Н-86
в переплёт развилок
Луна прячется
в волнистых туманах
бросая свой холодец
на мокрую землю
в саване листьев
На столах опустевшего
рынка
дремлют инвалиды
коротая время
Собаки
начинают прогулки
вынюхивая кошек в сэндвиче
сырости
и газа с окраин
(там где большие цистерны
расположились нахально
упреждая гнев защитников
природной среды
жёлтых и зелёных
Скоро президентская компания
и оппозиция
будет иметь прекрасный
козырь)
В яркоосвещённых кафе
поджидают
продрогнувшие проститутки

с аперетивом
проверяя теплоту необходимой
щели
и щурясь
под взглядом официанта
а там где толкуют
пьянчужки
у медной стойки
и плещутся за барьером
в ванночках
гарсоны похожие
на артистов
там уже выставилась
громада пришельца
глазеющего перед собой
открытого
всем несчастьям и ветрам
эпидемий
Резвые фигурки
злоумышленников
крадутся к заглохшим
моторам
снимают колёса с чудесными
шинами Рено и Мерседеса
Вспыхнула
крыша карликового
строения
и подвижные языки
выхватили ярко
танцующие значки
графитти
Н. отходит от окна
облачаясь в пижаму
(розовые и голубые
звёздочки
на сиреневом фоне)
Драит зубы

и проглатывает поливитамин
чтобы удержаться на плоту
страсти

12.11.94

Белые лепестки магнолии
плотные, пахнущие крепко
как дорогое мыло
как амбра
и там, внутри среди хвойных тычинок
шайка муравьёв
прожорливых
любителей пряностей
возбуждённых.
Они начиркали корявые запятые
на белых отворотах магнолии.
Там зреют будущие
микрокосмы
с умными головами
и страстями людскими:
сладострастия...
гурманы, поэты.
Пока цветёт магнолия
энтузиазма полны
рыбы и птицы и даже
собака
в своём куцем ошейнике
мечтающая
о божественном мясе.

03.07.94

Пахнет насилием от мятых карманов
от зашнурованных сапогов
от унылой песни курчавого эмигранта
в тапочках. Эскалатор несёт
гроздья сумок, запылённых мешков
интуристов. Прибывают встречные лица
полные жизни и плакатной ярости.
Голос певички вибрирует и рвётся
напрасно. На площади шарманщик
крутит шарманку, в тон попадая хрипло
и точно. Вот голубь вышел
из-под прилавка, где пекутся блины
и текут мороженые в высокие вафли-
каблуки, завихряясь барашками.
Изящные японки балансируют «минольтой»
косясь улыбчиво на играющих деток
среди пыли и стекляруса подвижных
фонтанов. Разорванная бумага
белеет клочьями на асфальте
как в натюрмортах Сезанна.

июль 1994

Этот голос из глубины откуда-то
и вдруг уходящий в пространство:
в степь, в пампу, в пустошь.
Разливающийся подобно волнам
подобно ветру. Уходящий куда-то
в черноту ночи, в неподвижность
в точку, внезапно просиявшую
среди плакатов Ротко и Вессельмана,
с открытым ртом глотательницы пустоты
у белых цветов на фоне трансформатора
переключившего энергию репродуктора
в энергию О М.

ноябрь 1994

И вот тела убитых недвижимы
И цепенеют так почти столетье
Между отсыревших страниц и клетей
архивов сумрачных. Ужимки

Всё те же: рты открыты в ужасе
Распороты животы, руки отброшены
Подобно кукольным тем ручкам потрошёным
И так же поп чадит кадилом весь дрожа

И Бог бессилен растворить те пятна
смерти. Хотя давно их растворились души
И плавают бессмертно крест творя
(И там нужды в тебе не существует, ретушь!)

Всегда от смерти что-то остаётся и долго
Присутствует в какой-то форме переменчивой
Стремящейся к исчезновению как горечь...
А там — кристалл и новой жизни толк.

Всё остаётся на земле в количестве
неизменном. И Бог лишь созерцатель
И мёртвых душ коллекционер...

04.01.95

КАРТИНКИ ИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

У больного Горького

Ворошилов сидит у койки
Горького
Сталин стоит сцепивши
руки
И смотрят оба вождя
на взгляд потухающий Горького
Тихо звучит репродуктор
голос Печковского
льётся
и перед дверью стоит
человек с ружьём
Скоро отлетит душа
пролетарского гения
и мозг его
наполнит ведро Хранилища
Траур всеобщий
отзовётся в сердцах
народа
И будут плакать вожди
будет рыдать Ворошилов
и руки заламывать Сталин
в безутешном горе
Так завершится история
пролетарского Гёте
написавшего «Девушку и смерть»
штуку посильнее
чем «фауст» Гёте:
любовь побеждает смерть

1993, сентябрь. С.-Пб

Молотов
(по портрету В. Ефанова)

Стоит великий человек
в позе простой
в папахе
на фоне Кремля и башни
кремлёвской
Рука заложена за пальтишко
другая — в кармане
(или нет — в перчатке
вытянута вдоль пальто)
Мерцают очки
в снежном пейзаже
Снег немного запорошил
и папаху и пальтишко
с бобровым воротником
добротным
И глаза человека блистают
из-под очков
глубокой рефлексией
мыслью Сократа
Сжёваны тонкие усики
подобные колоскам
Уши слегка топорщатся
и проступает
великое спокойствие на лице
с крошечным носиком
бухгалтерским

24.01.95

Маленков и другие

Идёт сложив ручки на животе
в красивом френче
полнолицый
и кроткий Фальстаф
(Шагает вразвалочку
чёлка на глаза выпученные
по-рачьи
Улыбка гурмана)
А рядом в позе озабоченной
неловко повернувшийся
но в шляпе и в очках
маршал Берия
Молотов
прямой как кобра
смотрит перед собой
мечтательным взглядом
из-под золотых пенсне
топорща миниатюрный ус
Все идут в первом ряду
почтительно кроткие
перед лицом смерти
перед важностью катафалка
И только чуть на отшибе
маленький и незаметный
в старом кителе
и в скромной фуражке
идёт Сталин
вышагивает тихо мелким
шажком
ставя красиво
маленький ботинок на красный
ковёр
Пальцы как обычно
сцепились в замочек
ясная дума на челе

с пушистым
пробелевшим усом
глаза полуприкрыты
от усталости
под тяжестью забот
и славы
Все идут не спеша
с траурными повязками
по проекту супрематиста Малевича

февраль 1995

широкая у

-лица от набережной утыкается в пло-

щаль в центре великолепный особнячок одноэтажный

храм туалета поднимаюсь по ступенькам прохожу галерейку по

полу ассыпаны открытые в миниатюрах библии рукописные свят

ые тексты собственно в самом туалете можно лишь умыть руки в

-ыпить стаканчик водицы крошечная дверца в печатана сбоку в с

-тене туда можно пройти лишь в собом случае и мне едва ли р

-азрешено с площад и спустился в п

-ассаж выс тавки в

подва ле р

и м

ские мозаи
ки куски фресок на первом этаже ср
-едневековые реликварии части порталов Елена
пришла с подругой расположились в большой комнате
она подруга с золотыми усами вначале я не верил глазам

настолько демонстративно потом вспомнил что это теперешняя
мода у женщин Елена спросила слышал ли я её пение я ска
-зал что обожаю и она несколько смущённая говорила о
том о сём с блеском в глазах прислушиваясь к с
-воему голосу она ждала от меня чего
-то так мне казалось б-

ело   е ли-
цо яичко   м выступа-
ло из фона кашт   ановых волос каза

ось арисованным решили искупаться в море плескался недал-
еко приятель скрылся на торизонте потом напрасно его оклика
л тот испарился море между тем оседало камни илистое дно б-
езобразное чтобы добраться до городка надо было сесть на п-
оезд или на автобус в открытом кузове пересекли пустош
и бывшие реки бывшее море справа оно торчало
сжавшимся комочком зеркалом
вдоль

берега сновали т-

рамваи городок своим расположением у

-коренял загадку улица должна быть где-то у п

-орта но сё не было обнаружил себя в зимней шапке у

-шанке окружённым со всех сторон парень смеясь дёргал за ш

-нурок тянул шапку на себя я вырвал другому объяснил ищем

улицу но какую не помню повёл меня с собой в какой-то

заброшенный дом поднялись по лестнице на второй эт

-аж вошли в каморку там кроме календаря на с

-тене и блокнотика в пыли ничего не

было улицу напр-

асно искали по звучанию никто не мог догадаться внезапно

дом окружили лестница ведущая с нижнсго этажа в ту-

пик закрыта можно попасть туда через другую но

нужно пройти через коридор и вот оказывае

-тся нельзя попасть в туалет посколь-

ку там заседание туалет обширн-

ейший из полуоткрытых дв-

ерей розовеют заты-

лки собравшихся

она сама

появи

л

ась голенькая ничуть не смущаясь провела через коридор и л
-егли в тупике на матрас прямо среди разной ветоши посреди
высится прямоугольный ящик но только я знаю кто там вдруг
вижу и она заинтересовалась я быстро подошёл показываю би-

нты папье — машевое личико на самом
деле там был араб останки араба спе
-лёнутые всё же отодвигаю ящик лож-
имся опять ромбовидный разрез с кр-

упным язычком подвижным как пламя я прошу её
положить ноги на плечи вблизи это меняло цве-
т становилось фиолетовым напоминало лотос ++

СОДЕРЖАНИЕ

I

II

ОЛЕГ ЛЯГАЧЕВ

Твоё блаженство иллюзорно

КНИГА СТИХОВ И ТЕКСТ

ТИРАЖ 700 экз.

ICON
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ—ПАРИЖ
1995

